

В глазах несравненной красавицы, облаченной в шелковую чеонсам, промелькнуло удивление. Но причина была не в восхитительной кулинарии Чжао Фую. Блюдо было слишком пресным.— Даже пищевого резонанса нет? — спросила она с легкой долей пренебрежения.— Конечно, ты еще слишком юна, ты пропустила это? — ответил Чжао Фую, но его слова прозвучали неуверенно. Аромат был терпким, но у красавицы не возникло желания попробовать. В эту эпоху гастрономии отсутствие пищевого резонанса означало, что блюдо не могло считаться высококлассным. Наверняка в нем были и другие недостатки, которые мешали ингредиентам «петь» и засиять кристальным блеском.— Похоже, нам все же придется искать действительно подходящего человека для заключения контракта. — Не глядя больше на Чжао Фую, женщина в чеонсам встала и направилась к выходу. Ее изящный нефритовый палец скользнул по пустоте, и она собиралась снять с себя магическую печать, которая мешала ей уйти. В этот момент раздался голос Чжао Фую:— Что? Гостя уходит?— Ты все еще можешь убедиться в качестве моей готовки собственными глазами.— Не по вкусу?! — Чжао Фую, казалось, вывел себя из состояния шока. Как только слова прозвучали, в помещении, где не должно было быть сухого льда, внезапно возник густой дым. Он начал распространяться, окутывая все вокруг. — Это... что? — женщина, уже разочарованная, в недоумении обернулась. В тумане стали возникать образы — сначала преграды, затем мчащийся всадник, потом — целая флотилия кораблей и караваны. Перед ней, окутанное землей, возникло дерево личи с изумрудно-зелеными листьями. За ним — грандиозные декорации, пение и танцы, а в центре — несравненная красавица, сияющая улыбкой, как распустившийся цветок в Лояне. Ее яркий свет озарял весь мир! В полусне женщина снова увидела сцену, глубоко запечатленную в ее памяти: одежда из яркого шелка, переливающаяся как перья, музыка струнных инструментов и бамбуковых флейт, ритмичный бой барабанов, смех безмерного множества людей, и в этом блаженстве — аромат цветов! — Хунъюй, — шепнула женщина, узнав эту мелодию.— Пожалуйста, останьтесь, — сказал Чжао Фую, уверенно толкая блюдо ближе к госте. — Попробуйте, а после мы поговорим. Он был уверен в своей еде, убежден, что, отведав её, гость не сможет быть недоволен. Такова была его уверенность в своем кулинарном таланте. Вглядываясь в «Хунъюй», похожую на настоящий личи, покрытую сухим льдом, женщина, очнувшись от сладкого видения, несколько раз открывала рот, собираясь что-то сказать, но в итоге молчала. Она вернулась к барной стойке, медленно села и взяла палочки. Она подняла кетю с креветками, похожий на личи, и слегка переливающаяся молочно-белая глазурь усиливала аромат личи, который все сильнее напоминал женщине о старой истории. Не колеблясь, она слегка приоткрыла красные губы и откусила половину кетю. В этот миг в безмолвном торговом районе, словно по волшебству, забурлили невероятные небесные явления. В святилище, уже предусмотревшее возможность такого развития событий, люди с недоумением наблюдали за луной, которую, казалось, кто-то контролировал. Галактика лилась на заблокированную улицу потоком, направляясь прямо к несравненной красавице, откусившей половину кетю с креветками, похожей на личи! — Неужели...? — шептал священник, стоящий в святилище императорского дворца Киото. Он был ранен, его дыхание было прерывистым, но в его глазах читалось недоверие, когда он взирал на небо. Он знал, насколько высокомерны небесные существа. Обычные управляющие не могли их удовлетворить, не говоря уже о том, чтобы заставить их согласиться на заключение контракта. В эту эпоху, когда гастрономические клетки рожают необыкновенное, без контракта эти боги, уже и без того деспотичные, не могли питаться «почвой», которая давала им силы. Поэтому в отсутствие признанных «контрактников» они впадали в глубокий сон. Термин «печать» — это всего лишь самонадеянное название, данное священниками святилища. В эту эпоху боги постепенно покидали мир, либо вырождались в стихийные бедствия, становясь добычей необыкновенных существ. Но боги оставались богами. Как только появлялась «почва», которую можно было использовать, становилось ясно, что эта сила способна повергнуть нынешнюю структуру власти в восточном Японском море. Для них это не было радостью. Стороны, участвующие в конфликте в Восточном Японском море, по-разному

относились к контракту с гастрономическим божеством. — Конечно, всё будет, — спокойно ответил священнику фигура в красной царской мантии, с волосами цвета снега. Священник поклонился в глубоком уважении. — Я приветствую Великого священника. Великий священник улыбнулся, в его глазах читались спокойствие и предвкушение. — Скоро снова грянет потрясение, их возвращение — это только предвестник. Святилище Киото должно быть готово. Священник не сразу понял, что означают слова «потрясение», и собирался спросить, но вдруг в его голове вспыхнула мысль, и он в недоумении уставился на красноодетого мужчину, который удалялся, В его глазах бушевали штормы! Под луной несравненная красавица словно погрузилась в безграничный сон. Половина кетю с креветками, похожей на личи, таяла у нее на языке, оставляя сладко-кислый вкус личи, но во время жевания начали проступать хрустящие креветочные нотки и аромат свиного жира. Слегка сладковатый и кислый вкус усиливал аромат креветок, создавая восхитительную сладкую гамму. Хрустящая корочка из лотоса и хрустящие красные рисовые шарики, покрывающие кетю, словно танцевали на языке, разнообразя вкус и делаая его более изысканным. Аромат говяжьего сала, который придавал особый вкус креветкам, добавлял блюду богатой ароматичности. Но всё-таки сладко-кислый вкус личи чувствовался дольше всего, оставляя сладкое, но вместе с тем пьянящее послевкусие. Он нейтрализовал любой возможный привкус жареной еды. Это было похоже на то, словно на тело надели мягкую, почти невесомую вуаль. Нежность и деликатность этой «одежды» запоминались больше, чем сам вкус личи. В то же время лунный свет лился потоками, преображаясь в серебряные нити, и вливался в нее, окутывая ее невиданной ранее полнотой. В последний раз она чувствовала такую полноту, словно новую жизнь, много лет назад. Но одновременно с возвращением сил в ее сердце возникла легкая кислота. Как одиночество после расцвета, как падение после вершины. Слеза медленно скатилась по ее щеке. — Это... — шепнула она себе, но никто не мог ответить на этот вопрос. — Это Байвали. — Я использовал личи сорта Байвали, — прозвучал голос Чжао Фую, как гром, прорезающий тишину и вершину. Его слова заставили великолепную женщину по-новому взглянуть на его ослепительный талант! — Этот сорт отличается от тех сочных, сладких и мясистых, которые сейчас популярны. — Байвали используется для приготовления вина. Он не столь сладкий, имеет и кислый, и терпкий вкус. Сок его фруктов я смешал с моим особым соусом, и это не только убрало лишний жир, но и благодаря кислому послевкусию аромат личи не был испорчен высокой температурой. — Таким образом в ротовой полости образуется полное послевкусие, которое раскрывается послойно. — Это как дегустация вина. Наблюдая за Чжао Фую, который доверял своей интуиции и всё больше убеждался в происхождении несравненной красавицы перед ним, он невольно улыбнулся. — Надеюсь, госпожа Таичжэнь тоже почувствовала это? — Грусть после блаженства и сладости.

<http://tl.rulate.ru/book/110952/4339824>